

ТАК ГОВОРИЛ ДЖИБРАН

Великие книги пишутся *вопреки*. Вопреки всему. Житейской логике, эпохе, обстоятельствам. Они пишутся по одной простой причине — так было угодно небесам. В этой предопределенности слышится поступь Командора. Смертный бросает вызов вечности. И начинается отсчет недель, часов, минут...

К главной книге своей жизни Калиль Джибран (1883–1931) шел тридцать семь лет. Все, что им было сказано *до* и будет сказано *после*, — это горная гряда вокруг одинокой вершины. Велико искушение так высоко забраться, но расплата неотвратима. На своем чествовании в 1929 году он разрыдался: «Это трагедия. Я утратил свой природный дар... Я не способен писать, как когда-то».

Что остается Моисею, который поднялся на Синай и говорил с Богом? Только разбить скрижали. А в Землю Обетованную спустя сорок лет войдут другие.

О Джибране известно и много, и мало. Считая любопытство большим пороком, в разговорах о себе он либо отмалчивался, либо слегка расцвечивал свою биографию. Он называл это «креативной правдой». И пояснял: если вы спросите у араба, чем он поужинал, то в ответ можете услышать «нектаром и пищей небесной», хотя на самом деле все ограничилось картошкой или бобами. Но ваш собеседник не солгал, просто таким образом он вышел из затруднительного положения, в которое вы его поставили. Джибран мог сказать, что он родился в Бомбее или что Роден при встрече назвал его величайшим поэтом, но эта невинная провокация преследовала вполне серьезную цель: думайте своей головой, ищите ответы в творчестве, а не в сенсационных

«фактах». Давайте же ограничимся более или менее достоверными свидетельствами.

Вся жизнь Джибрана была преодолением. Он родился у подножия горы Ливан, на территории Сирии, и до двенадцати лет, запрокинув голову, смотрел на недостижимую снежную макушку. На что рассчитывал сирийский мальчик из деревушки Бешарри? Какие слова вознамерился сказать миру юный мистик из секты христиан-маронитов, производивший свою родовую фамилию от арабского корня *jibr* или *al-jebra*? До ответа пока далеко. Сначала надо было пережить семейный позор (отец получил срок за финансовые махинации). Бегство в Америку. Нищету в арабском квартале Бостона. Смерть младшей сестры и матери. Свое изгойство в новой культуре. На его счастье, нашлись люди, разглядевшие в юноше таланты — прежде всего, рисовальщика. Одно имя, по крайней мере, должно быть названо: Мэри Хаскелл, учительница по профессии. На протяжении семнадцати лет она безвозмездно ссужала Джибрана деньгами, снимала для него студии в Нью-Йорке, оплатила его стажировку в Париже, помогла ему освоить английский язык и, наконец, отредактировала его первые книги, включая «Пророка». Этой женщине, которая даже не была с ним близка, он завещал полтора десятка рисунков и... свое сердце. (Тело, согласно его воле, будет предано земле в родной деревне.) Без этого проводника-шерпа не состоялось бы великое восхождение. Или лучше так: кому-то было угодно, чтобы Мэри помогла ему взойти на вершину.

В этом хрупком с виду юноше была сила травы, пробивающей асфальт. Как художник он возжелал, ни много ни мало, нарисовать портреты всех знаменитых современников — и отчасти преуспел. В его галерее, среди прочих, Юнг, Йейтс, Сара Бернар, Джузеппе Гарибальди. Как писатель он мечтал создать произведение, абсолютное в своей завершенности, своего рода новую Библию. А как человек... он признался Мэри, что с удовольствием бросил бы живопись и литературу ради Учителства. «Пророк» потерял кавычки.

ТАК ГОВОРИЛ ДЖИБРАН

Альмустафа напрямую не связан ни с Кораном, ни с Библией, хотя соблазнительно провести параллели с образом Христа. Это пророк нового времени, чьи слова должны были предотвратить Холокост и остановить лихих парней с «Индианаполиса», сбросивших «Малыша» на Хиросиму. Оставалось только эти слова услышать, но со слухом у потомков Адама и Евы, как известно, всегда были проблемы.

Для осуществления столь дерзкого замысла мало в совершенстве овладеть языком Шекспира, которого, вместе со Священным Писанием и современными классиками, он постоянно штудировал. Тут нужен особый строй мыслей, особое внутреннее состояние. Рассуждая о преступлении и наказании (так называется одна из глав его поэмы, над которой он в тот момент трудился), Джибран признается: «Этот предмет мне весьма близок. Я не могу отделить себя от преступника. Когда читаю о какой-нибудь подделке, то чувствую себя фальсификатором; читаю об убийстве — чувствую себя убийцей. Если один из нас совершает какое-то действие, мы все его совершаем, и то, что делает все человечество, делает каждый из нас». В психологии это называется *эмпатия* — умение полностью отождествить себя с другим. Трудно сказать, был ли знаком Джибран с эпистолярным наследием Джона Китса, чьи стихи он высоко ценил, но именно это состояние описывал рано ушедший английский гений в одном из своих писем.

Если тотальная любовь и абсолютная гармония со всем сущим — две доминанты поэмы Джибрана — позволяют возвести генеалогию «Пророка» к «Песни песней», особо чтимой на Ближнем Востоке, то мудрое приятие жизни и смерти, а также весомость каждого слова роднят поэму с другой книгой царя Соломона — «Притчами». Стилизуя свою вещь с оглядкой на библейские образцы, вводя покрытую патиной времени лексику и устаревшие грамматические обороты, автор, однако же, был серьезно озабочен соблюдением меры. В письмах Джибрана то и дело звучит лейтмотив: не слишком ли архаичен и книжен мой английский

язык? Насколько ему удалось избежать тяжеловесного стиля, равно как и назидательного тона («нет ли здесь налета проповеди?»), как говорится, судить читателю.

Еще один важный литературный ориентир — «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, хотя тут уместнее говорить не о сближениях, а об отталкивании. Восхищаясь языком своего немецкого предшественника, Джибран принципиально расходится с ним в мировоззрении. Заратустра — поджигатель и разрушитель; Альмустафа — строитель и созидатель. Первый в ожидании преображения живет анахоретом в пещере, второй — среди людей, тесно общаясь с ними, путеводя их. Заратустра ищет и находит в человеческом роде исключительно слабости; Альмустафа выявляет и всячески подчеркивает его силу. Бог одного мертв, тогда как Бог другого жив и прекрасен. Однако есть и несомненные параллели. Например, в трактовке состояния современного человека и пути его духовного возрождения. Согласно Заратустре, сверхчеловек (*Übermensch*) должен победить человека, который, в свою очередь, победил в себе обезьяну. Ту же, в сущности, триаду — человек-великан (*the vast man*), человек, пигмей — находим у Джибрана. Сходным образом оба используют *танец* как метафору божественного начала и символ обновления. Но не будем утомлять читателя перечислением формальных заимствований, вольных или невольных. Принципиально другое: Джибран — не философ, а визионер, его мир — сугубо поэтический, на чем он сам настаивает. Вот характерная обмолвка: «У него [Ницше] аналитический ум... а аналитический ум слишком много говорит».

Чуткий к языку и всегда дотошный в работе над текстом, Джибран вместе с тем не был пуристом. В созданном им литературном кружке «Аррабитах», объединившем сирийских писателей Нью-Йорка, держались таких заповедей: «Если не существует слова для выражения вашей идеи, позаимствуйте или изобретите его... Если вам нужно употребить

свежий оборот, а синтаксис этому препятствует — долой синтаксис...». Переводчику Джибрана, которому предстоит разгадывать хитроумные головоломки и решать неразрешимые задачи, прежде чем приступить к делу, стоит вооружиться этими заповедями.

После «Пророка» из-под пера Джибрана вышло еще около десятка книг: афоризмы, притчи, стихотворения в прозе и стоящее особняком — вслед Ренану — жизнеописание Иисуса. Но если вернуться к вопросу о духовном, если не творческом кризисе, пережитом им после создания его *opus magnum*, то интерес для нас представляет прежде всего... ненаписанная вещь. В третьей книге об Альмустафе (вторая, «Сад Пророка», увидела свет в 1933 году) герой, по замыслу автора, возвращается в Орфалес, где его сначала бросают в тюрьму, а затем толпа забивает его камнями на площади... Светлое пророчество не было услышано. Умерло пшеничное зерно, павшее в землю.

Впрочем, что бы сам Джибран ни говорил о своем творческом кризисе, слава «ближневосточного Тагора» как в Америке, так и на его родине росла стремительно, и желающих идти за новым мессией день ото дня прибавлялось. Период затянувшегося отшельничества оборвался с пугающей внезапностью. Публичные лекции, чтения, светские мероприятия. Письма прозелитов, желавших «просвещения» и «благословения». Не отставали и критики. Появились неологизмы: *джибранит* — новый человек... *джибранизм* — философия полной свободы и непредвзятый взгляд на человека и социальные явления. Справляться с агрессивным натиском внешнего мира становилось все труднее, а тут еще участились болевые приступы... Последние слова Калиля Джибрана: «Не волнуйтесь. Все хорошо».

Сергей Таск